

«МНЕ ИНТЕРЕСЕН ЛЮБОЙ ДЕНЬ ЖИЗНИ ШЕКСПИРА»

БЕСЕДОВАЛ

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

В АПРЕЛЕ ВСЬ МИР ОТПРАЗДНУЕТ 450-ЛЕТИЕ ВЕЛИКОГО УИЛЬЯМА ШЕКСПИРА. В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА СОВСЕМ НЕМНОГО ЛИЧНОСТЕЙ, ЧЬИ ДНИ РОЖДЕНИЯ ОТМЕЧАЛИСЬ БЫ НА ВСЕЙ ПЛАНЕТЕ ОДНОВРЕМЕННО В ТЕАТРАХ И БИБЛИОТЕКАХ, ЛЕКЦИОННЫХ ЗАЛАХ И КИНОТЕАТРАХ, В МУЗЕЯХ И НА УЛИЦАХ.

ОДИН ИЗ РОССИЙСКИХ ШЕКСПИРОВЕДОВ, главный редактор журнала «Вопросы литературы» профессор Игорь Шайтанов, в прошлом году выпустил монографию «Шекспир». Книга стала развернутым ответом тем, кого накануне юбилея продолжают одолевать сомнения из-за споров вокруг авторства шекспировских сочинений – по праву ли чествуют именно Уильяма Шекспира? Игорь Шайтанов утверждает – по праву.

– Юбилей Шекспира, что называется, на носу. Узнает ли широкая общественность о 450-летию драматурга или дату отметят преимущественно научные круги?

– Пока я ощущаю больше массового интереса к празднованию юбилея, чем научного. Знаю, что театры и в столицах, и в провинции готовятся к тому, чтобы отметить 450-летие Шекспира новыми постановками. К примеру, в моей родной Вологде в начале июня пройдет трехдневный шекспировский фестиваль – с премьерными спектаклями, с чтением строк Шекспира горожанами, с презентациями новых изданий. К слову, научная конференция там тоже состоится. В Москве заметна активная работа Британского совета, на больших экранах столицы и других крупных городов России прошли киноверсии шекспировских спектаклей лондонского театра «Глобус». События уже начались.

– В чем вы видите причину непреходящей популярности английского классика в нашей стране? Ведь фактически у нас он самый почитаемый иностранный писатель...

– Несколько лет назад на эту тему высказался тогдашний посол Великобритании в Москве, Тони Брентон. Он написал эссе «Шекспир – русский», которое я перевел. Он не без юмора замечает: если принять, что пьесы Шекспира написал не он, а кто-то другой, а на эту роль выдвигается множе-

ство кандидатов, почему бы не предположить, что этот автор был русским, ведь в России так любят творчество Шекспира. Конечно, это шутка со стороны британца, но она о многом говорит. Шекспира, разумеется, любят не только в России, но и в мире. Я часто говорю на встречах с аудиторией о том, что в книжных рейтингах Шекспир располагается на втором месте, уступая лишь Библии. Третье место занимает Агата Кристи. Очень показательная позиция, между мудростью и развлечением. Он и учит, и умеет развлечь. Так было и в шекспировские времена. Кроме того, нельзя не увидеть причины нашего особого отношения к Шекспиру в том, что он открыл для нас нашу современность. Рубеж XVI–XVII веков – это начало той эпохи, которую мы считаем и называем нашим временем, нашей современностью. И литература этой эпохи создала ряд вечных архетипических образов. Сервантес открыл Дон Кихота и Санчо Пансу, в Германии появился Фауст, в Испании – Дон Жуан. По одному-два на национальную культуру. А теперь откройте оглавление пьес Шекспира – почти каждая пьеса дает вечный образ на все последующие века. Романтики называли Шекспира универсальным гением. И Россия была одной из тех стран, где национальная литература рождалась с именем Шекспира на устах и в сознании. По крайней мере, так это было для Пушкина.

– Сближения Шекспира и Пушкина понятны и объяснимы. Но почему творчество Шекспира так полюбило руководство Советского Союза? Один наш крупный театральный деятель вспоминал, что в эпоху застоя на знаковые роли в шекспировских спектаклях актеров отбирали не менее тщательно и скрупулезно, чем на роль Ленина...

– Во второй половине 20-х годов идеологическое отношение партии к классике было сродни футуристическому, и ее предлагалось сбросить с корабля современности. Но такое отношение быстро прошло. Опомнились. В особенности когда возоб-

Игорь Шайтанов:
«В книжных
рейтингах
Шекспир
располагается
на втором месте,
уступая лишь
Библии»



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ладало тоталитарное мышление. Поняли, что авторитеты нужны не только политические, но и культурные. Хорошо это или плохо, но советская власть относилась с огромным почтением к классике в широком понимании этого слова, русской и зарубежной. А если Шекспир самый известный и признанный классик, то и отношение к нему должно быть соответствующим. В 30-е годы началась масштабная работа по подготовке полного собрания сочинений Шекспира с новыми переводами, которые остаются основными и сегодня. Лозинский, Пастернак, Радлова, Кузмин... В этих переводах Шекспира до сих пор ставят и читают.

– Как вы полагаете, почему эти переводы остаются актуальными: они настолько хороши или мы настолько к ним привыкли, что не желаем воспринимать новые?

– Перевод оценивается по двум основным критериям – насколько он близок к оригиналу и становится ли он фактом родного языка. Переводы, вошедшие в канон, делали блестящие поэты или классики переводческого цеха. И шекспировские тексты в этих переводах в XX веке стали фактом русского языка. Их знают и цитируют. Причем, что интересно, целый ряд классических фраз, которые мы произносим как бы от имени Шекспира, придуманы не им, а взяты из русских переводов и не совсем точны. Известный пример. Все знают формулу из «Гамлета» «распалась связь времен», между тем в подлиннике Гамлет говорит буквально: «время вышло из пазов». Мысль приблизительно та же, но метафора у Шекспира другая. Повторюсь, переводы, о которых мы говорим, это великолепная литература, очень хорошая поэзия. Но искусство перевода требует постоянного

обновления, и ощущается потребность перевести Шекспира на русский язык заново. К сожалению, большинство современных переводчиков берутся за Шекспира с единственной установкой – сделать иначе, чем было раньше. А на этой установке далеко не уедешь. Прочистить легкие необходимо, но и дышать нужно по-новому. Считается, что советский Шекспир недостаточно груб и откровенен, и это мнение ощущается в переводах последних пятнадцати лет. Дескать, сейчас мы опустим шекспировский язык и сделаем его истинно шекспировским. И опускают. Но по качеству это очень далеко от переводов Маршак и Пастернака. Ведь они ставили перед собой задачу не просто приблизить перевод к оригиналу, но сделать его достоянием современного русского читателя. Последнее у современных переводчиков пока не получается.

– В пьесах Шекспира несколько раз мелькает упоминание России и русских – герои «Бесплодных усилий любви» переодеваются москвитями, в «Зимней сказке» королева называет себя дочерью русского императора. А какими Шекспир мог знать Россию и русских?

– Шекспир был человеком с открытыми глазами и интересовался всем миром. Он почти наверняка видел русские посольства, которые бывали при дворе королевы Елизаветы в 90-х годах XVI века. Известно, что Борис Годунов посылал группу русской молодежи учиться в Англию, и ни один из них не вернулся на родину. Одного разыскали лет через двадцать, и он к тому времени сделался англиканским священником. Также Шекспир весьма вероятно был знаком с записками англичан о России, например Флетчера, в которых автор изображает Россию варварской страной. Россия для англичанина времен Шекспира – это страна прежде всего холода и... даже не варварства, а рабства. Одним из первых в английской поэзии упомянул Россию в одном из своих сонетов великий предшественник Шекспира Филипп Сидни. В нем он рассказывает о своей любви и приводит такую метафору любовного плена: дескать, я люблю так же, как «как москвит, рожденный в рабстве».

– Каково место Шекспира в сегодняшней России?

– Шекспир был, пожалуй, единственным иностранным писателем в нашей стране, который выдержал испытание перестройкой и новым книжным рынком. Даже в начале 90-х годов, когда на книжные прилавки хлынула бульварная литература, с них не исчез и Шекспир. Его издания, старые и новые, можно было встретить на уличных развалах, в метро торговали сонетами Шекспира в новых переводах. Удар по Шекспиру нанес не книжный рынок, а театр. То, что с ним подчас делают на сцене, удивляет и поражает.

– Вы имеете в виду Макбета в джинсах и Офелию в мини-юбке?

– Не в этом дело. Происходящее на сцене – беда не столько Шекспира, сколько современного театра. Режиссерский театр, возникший, кстати сказать, не так давно, всего сто лет назад, по всей видимости, доживает последний период. В театре этого типа режиссер является единственной живой фигурой – актер у него на побегушках, а автор – вообще никто. И это называют интерпретацией. Англичане назвали это явление более подходящим термином – присвоение. Хорошая интерпретация не обязательно должна быть преклонением перед автором, интерпретировать ведь можно и в полемике. Я помню блистательный спектакль Вахтанговского театра «Ричард III» с Михаилом Ульяновым в главной роли. Пьеса была поставлена в откровенной полемике с автором. В версии вахтанговцев было понятно, что зло не может быть великим, поскольку величие не возрастает от количества пролитой крови – сказался опыт XX века. А у Шекспира все-таки Ричард кровавый, но великий. Но подобных спектаклей сейчас не ставят. Современные же в большинстве своем оскорбительны, это цирк – гимнастика и балаган, и никак иначе это не назовешь.

– То есть премьеры шекспировских постановок вы не посещаете?

– Давно не хожу. Последней каплей стали две премьеры спектаклей по шекспировским пьесам в одном известном, модном и популярном московском театре – «Гамлет» и одна из комедий. «Гамлет» был высоколобой постановкой и, вероятно, с театральной точки зрения очень самобытной и тонкой, но к Шекспиру и его тексту действие не имело ни малейшего отношения. В другой постановке я увидел лишь набор гимнастических упражнений по принципу «упал-отжался», актеры даже текст не умели читать. С тех пор сценическими постановками я не интересуюсь.

– Какой период из жизни Шекспира более всего интересен вам?

– Мне интересен любой день его жизни. Для меня, как для исследователя, интересен период приезда Шекспира в Лондон – как приехал, как попал в театр и как стал драматургом. В моей книге как раз самые смелые гипотезы касаются начала творчества Шекспира. Он пришел в театр, когда в нем еще царила авторская анонимность, и первые шаги Шекспир делает как соавтор и переписчик старых сюжетов. Кстати, по поводу изображения Шекспира в кинематографе. Возьму две картины последних лет – «Влюбленный Шекспир» и «Аноним». Первый фильм – блистательный, остроумный, изящная фантазия о том, чего не было, но могло бы быть. И клеветнический бездарный «Аноним». Это к вопросу о том, насколько по-разному можно подойти к вымыслу о Шекспире.

– В начале своей книги вы пишете, что так называемый шекспировский вопрос, то есть вопрос об авторстве, не заслуживает серьезного внимания исследователя. И тем не менее на страницах книги вы постоянно возвращаетесь к этому вопросу, стараясь развенчать мифы о заговорах вокруг шекспировских текстов...

– Шекспировский вопрос абсолютно не беспокоит меня, но я знаю, что он беспокоит читателей. Когда я выхожу на разного рода публику – а я делаю это довольно часто, – обязательно слышу вопрос: а вы уверены, что именно Шекспир написал все это? В книге эта тема возникает в нескольких местах. В тех, к которым привязывают свои доказательства оппоненты. В том, что Уильям Шекспир существовал, родился и умер в Стрэтфорде-на-Эйвоне и работал в лондонских театрах, никто не сомневается. Но был ли актер из Стрэтфорда автором пьес, которые мы называем шекспировскими, в этом суть шекспировского вопроса. Я исхожу из простого юридического правила: презумпция невиновности. Прежде чем придумывать заговоры и шифры, давайте посмотрим – есть ли повод сомневаться? И я показываю в книге, какое количество больших и мелких свидетельств, в том числе исходящих от современ-

Спектакль лондонского театра «Глобус», копии театра шекспировских времен.
Фото И. Шайтанова



Крестильня, в которой крестили Уильяма Шекспира.
Фото И. Шайтанова





предоставлено автором

В родном городе Шекспира сохранилось немало памятников, которые видели гения. На фото – Игорь Шайтанов у церкви Святой Троицы в Стрэтфорде

ников и его близких знакомых, имеется в поддержку авторства Шекспира. Два примера. Во-первых, посмертное стихотворение Бена Джонсона к Первому фолио, где он называет Шекспира «эйвонским лебедем». После этого нужно либо закрывать шекспировский вопрос, либо называть Бена Джонсона участником заговора, в который придется втянуть половину Лондона. Во-вторых, жил в Лондоне некто Леонард Дигтс, знаменитый переводчик с испанского и латыни. Для Первого фолио и сборника стихотворений (1640 год) Шекспира он написал стихи в честь драматурга, в которых воспекает его в веках. Отчим Дигтса Томас Рассел был стрэтфордцем и настолько близко был знаком с Шекспиром, что тот сделал его своим душеприказчиком в завещании. Мог ли Леонард Дигтс не знать, кто такой Уильям Шекспир?

– Шекспировское общество в России существует? Насколько оно многочисленно и активно?

– Шекспировское общество в нашей стране было создано Александром Абрамовичем Аникстом при Институте искусствознания и существует по сей день. Аникст был прежде всего театроведом, и этот уклон в театральную проблематику ощущается у его детища. Я принадлежу к другому шекспировскому обществу, так называемому Шекспировскому семинару – более филологическому, нежели театральному. Уже несколько лет семинар действует в Российском государственном гуманитарном университете. Мы подготовили к юбилею довольно много изданий, в скором времени выйдут в свет «Шекспировская энциклопедия» и шеститомник «Шекспировские трагедии в русских переводах».

– О Шекспире говорят, что его творчество всегда актуально. Какое из его сочинений вы в последние годы вспоминаете чаще других, наблюдая за современной жизнью?

– Каждая пьеса по-своему актуальна. «Гамлет» не терял актуальности все четыреста с лишним лет с момента его написания. Эта пьеса открыла рефлексирующего человека, который предпочитает думать и сопоставлять в ущерб действию. В «Венецианском купце» Шекспир открыл проблему национальности и в этом был первым. В пьесе «Мера за меру» автор поставил вопрос власти, и наш Пушкин был одним из первых в Европе, кто оценил всю глубину творения, которое стало очень популярным в XX веке. Шекспировские хроники тоже вряд ли когда-нибудь утратят актуальность. Помню, как я выступал в 90-х годах на одной известной радиостанции. Эфир закончился, я вышел из студии, и в коридоре меня догоняет редактор: началась война в Чечне, просим вас прокомментировать это событие через Шекспира. Чуть не силой надевают наушники и выводят в прямой эфир. Я поначалу растерялся, но вспомнил пьесу «Генрих IV» и толстого рыцаря Фальстафа, заблудыгу и лгуна, изгнанного молодым королем в конце второй части. Став правителем, Генри немедленно избавляется от своего старого приятеля, бывшего для него учителем жизни, проводшего его через народный карнавальным фон. Вот оно, вечное соотношение власти и закона с народом и стихией. Власть, с одной стороны, должна понимать стихию народной жизни, но, с другой стороны, не идти у нее на поводу, поскольку у них разные функции. Власть оформляет эту стихию, а стихия пытается обновлять форму общественной и государственной жизни. Держать равновесие между властью и народной стихией – величайшая проблема. Шекспир первым поставил ее с такой остротой. Метаморфозы этой вечной проблемы мы наблюдаем едва ли не ежедневно.

– Куда бы вы посоветовали отправиться человеку, который хочет ощутить дух подлинного Шекспира, – в Стрэтфорд или Лондон? А может быть, в Виндзор, где происходит действие многих шекспировских пьес?

– Стрэтфорд – это индустрия, туристический проект. Там, бесспорно, есть и лубок, но есть и подлинность – Эйвон течет, церковь Святой Троицы, где крестили Шекспира, стоит. У ее церковного алтаря – могила Шекспира. Все это производит очень сильное впечатление. Что касается Лондона... Я однажды прошел маршрутом от района на северо-востоке, где Шекспир не раз жил, где был построен первый лондонский театр, разобранный еще при жизни Шекспира, через Темзу до того места, где недавно был восстановлен театр «Глобус». Я не ожидал, что встречу что-либо шекспировское на этом пути: на месте первого театра сейчас захолустье и какие-то трущобы. Но недалеко от него по-прежнему стоит церковь Святого Леонарда, в приходе которой находился театр, а потому там селились актеры, и многие были похоронены у церковного порога. Церкви остаются опорными точками в топографии Лондона, сохраняя для нас шекспировские маршруты и позволяя заглянуть в его эпоху. 📍